

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Кактус
Нострадамуса

Елена Логунова
Кактус Нострадамуса
Серия «Индия Кузнецова», книга 13

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6130191

Логунова Е. И. Кактус Нострадамуса : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66577-8

Аннотация

Опять Индии приходится вытаскивать из беды своего любвеобильного брата, дизайнера Казимира Кузнецова. Оформляя торжество в честь десятилетия семейной жизни банкира Горохова, он умудрился весьма близко подружиться с его женой Лизонькой. Прямо во время праздника ветреная супруга пригласила Казимира уединиться возле бассейна. Он немного замешкался, а вскоре Лизоньку обнаружили в воде без признаков жизни! Казимир, конечно, моментально покинул особняк, но позже выяснилось, что усопшая имела дурную привычку записывать все свои планы в дневник, а планировала она страстную встречу с дизайнером Кузнецовым. Конечно, для обвинения в убийстве этого маловато, но, как на грех, у Казимира случайно остался в кармане золотой мобильник банкирши...

Содержание

Суббота	4
Воскресенье	35
Понедельник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Логунова

Кактус Нострадамуса

Суббота

Контора носила гордое и загадочное имя «Принц Пресс».

Роза подумала, что такое название не помешало бы сопроводить иллюстрацией для тех, кто не знает, что это издательство. Запросто ведь можно подумать, что «Принц Пресс» – это пыточная камера для августейших особ!

Воображая зажатую в гигантских тисках фигурку в камзоле с кружевами и штанишках с гульфиком, она склонила голову к плечу, и с ее мокрых волос на линолеум звучно капнуло.

– Еж мое ж! – своеобразно выругалась Роза и торопливо вытерла волосы дизайнерским войлочным шарфом, превратившимся в безобразную тряпку.

Второго марта стояла теплынь, а в ночь на третье выпал снег, и теперь модное Розино обмундирование разительно не соответствовало погоде. Ноги в бархатных балетках промокли насквозь, бежевые лосины ниже колен стали цвета сырого песка, и в целом выдержанная в благородных серо-коричневых тонах фигура Розы неприятно напоминала раскисшего пряничного человечка.

При одном взгляде на отсыревшую Розу понимающим людям открывалась позорная альтернатива: либо барышня дурочка из тех, которые летом носят угли на меху, а зимой – пластмассовую каску на босу голову, либо безнравственная девица, которая не ночевала дома.

Правдой было второе, отчего Розины страдания от холода дополнялись муками совести.

– Девушка в твоём непростом положении должна особенно заботиться о своей репутации! – часто внушала ей мама, к счастью оставшаяся на родине.

Розино непростое положение заключалось в сочетании ряда факторов, изрядно осложняющих ее продвижение по карьерной лестнице.

Во-первых, имя: Роза Салаватовна Курдынбабаева! Никакой иллюстрации не надо, чтобы понять, что ее родословное древо уходит корнями в казахские степи.

Отчество свое Роза при знакомствах опускала, родительскую фамилию страстно мечтала поскорее сменить на мужнину, но даже имя ее постоянно вызывало вопросы. Вернее, один вопрос: а как будет полностью? Почему-то мало кто верил, что Роза – это и есть полное имя, и она наловчилась придумывать варианты. Некоторые были очень даже ничего, тем не менее девушке по имени Роза Курдынбабаева в столице казахского края жилось непросто. Сакраментальное «Понаехали тут!» она слышала нередко.

Трагическая правда – и это был фактор номер два – за-

ключалась в том, что Роза действительно «понаехала», хотя и вовсе не с Востока, наоборот, с Запада – из Киева.

По маминой линии она была украинкой и унаследовала от родительницы цвет волос и глаз. Однако казахский папа тоже внес свой весомый вклад, так что дочь у них с хохлушкой-мамой получилась незабываемой красоты: русоволосая, скуластая, с оливковой кожей, прямыми черными шнурочками бровей и голубыми раскосыми глазами. Узнав, что она коренная киевлянка, однокурсники в институте культуры хохотали, как сумасшедшие, и наконец-то закрыли затяжной спор о том, было ли в Киевской Руси монголо-татарское иго.

Третий фактор был самым серьезным: Роза имела украинское гражданство, и после окончания института должна была покинуть Россию, но до сих пор не покинула.

Вообще-то красивой голубоглазой девушке с безупречным русским языком не так уж сложно оказалось жить на нелегальном положении, однако Розу угнетало состояние практически бесправного работника. Зарплату ей выдавали нерегулярно и в конвертике, соцпакетом вообще не обеспечивали, а нагружали будь здоров. К примеру, кого еще Бориска-Барбариска экстренным командирским звонком выдернул бы из постели в выходной день?

Тут Роза вспомнила, что Барбариска пообещал ей за сверхурочную работу премию, и решительно потянула на себя дверь с табличкой «Принц Пресс».

Августейшая дверь оказала сопротивление.

Роза рванула сильнее.

Дверь негодуяще затряслась.

– Толкайте! – донеслось изнутри.

– Еж мое ж! – повторила Роза, сожалея, что теперь на нее будут смотреть как на идиотку.

Как на глупую мокрую курицу!

Она была самолюбивой девушкой со стойким славянским характером и амбициями Чингисхана.

Мысленно гикнув, Роза Курдынбабаева толкнула дверь и ворвалась в просторное помещение со множеством столов, из которых занят был только один.

За ним в окружении бумажных россыпей восседала немолодая особа, неуловимо похожая на кактус. Она вся состояла из разновеликих шаров и шариков, наклепленных один на другой не вертикально, как у снежной бабы, а в хаотичном порядке. Круглые плечи, кулачки, грудки, щечки, ушки, гулька на макушке, шишковатый нос, очки-колесики... И все это было блекло-серым, местами даже с зеленцой, а недобрые глаза царапнули гостью как иголки.

– Добрый день! – мужественно сказала Роза, одернув свой кургузый пиджачок.

– Здравствуйте. Вы от Бориса? – сухо откликнулась тетка, похожая на кактус.

Судя по тону, она не разделяла восторга, который самолюбленный Барбариска испытывал по отношению к самому себе.

Роза приободрилась. Она и сама считала, что парню негоже культивировать внешность куклы Барби, даже если парень он только в том смысле, что гей и постоянно вращается в артистических кругах.

Собственно, именно Роза окрестила пресс-директора концертного зала Борю Тренина Барбариской, и кличка закрепилась не хуже, чем нарощенные ресницы.

– От Тренина, да, – подтвердила Роза, нагло шлепая к столу дамы-кактуса.

За ней потянулась предательская цепочка мокрых следов.

– Я Роза, – представилась она, без приглашения опускаясь на стул.

– Лидия Александровна, – неохотно представилась тетя-кактус и не удержалась от вопроса: – Роза, а как полностью?

– Розалита, – не задумываясь, выдала девица Курдымбаева бразильский вариант – просто потому, что он хорошо сочетался с теткиными кактусами.

– Вот, Розалита, держите.

Роза взяла протянутую ей тетрадь:

– А что это?

– Вы не знаете? – Тетя-кактус неприязненно посмотрела на нее поверх очков. – Странно. Борис сказал мне, что придет специалиста со знанием китайского.

Роза покраснела.

Знание китайского – это была легенда, призванная увели-

читать ее потенциальную ценность в глазах работодателя.

Концертный зал «Казак-холл» принимал на гастроли популярных исполнителей и коллективы со всего света. Заполняя анкету, Роза указала, что в совершенстве знает русский и украинский языки, уверенно владеет английским, понимает казахский и читает по-китайски. При этом ее единственный опыт разбора китайских иероглифов сводился к переводу аутентичного кулинарного рецепта, выполненного с помощью соответствующей программы в Интернете в прошлом году. Так она научилась готовить неплохую утку по-пекински, которой, кстати, угощала коллег на свой день рождения в сентябре. А Барбариска, стало быть, решил, что она действительно спец по китайскому!

– Конечно, я специалист, – подтвердила она, чтобы не терять лицо, и открыла тетрадку. – Ну-ка...

Написано, слава богу, было по-русски! Роза обрадовалась и с выражением прочитала вслух:

– Хидрый большой серый волк придуривал в чучело у ретизов и хотел поймать милых зайцов! Ряд милых зайцов тянули с мамой и не ожидались с волком. Мама боротилась за защиту детей. После поймки маленький заяц волку пел, танцевал, играл гитар. Волк забыл первоначальную задачу, мама и ребята били волка, он головокружил и был вязан веревкой.

Тут она определенно почувствовала, что тоже начинает головокружить и повторила:

– Что это?!

– Это либретто детского танца «Туциянмэй» в исполнении маленьких звезд Гуандунского маоминского тренировочного лагеря имени Мэйуцзяини, – без запинки выговорила тетя-кактус, и Роза почувствовала к ней великое уважение. – «Артисты исполняют точно и прекраско, стиль танца радостный и юморческий», во всяком случае, так написано в буклете.

– Юморческий – это да, – согласилась Роза, листая тетрадь.

Маленькие звезды Гуандунского маоминского тренировочного лагеря имени Мэйуцзяини явно трудились не покладая ног: толстая общая тетрадь была почти вся заполнена душевным описанием их интересных и загадочных танцев.

– А почему написано от руки?

– Полагаю, у переводчика в Китае не было на клавиатуре русских букв, – пожала плечами тетя-кактус. – Вот, возьмите оригинальный буклет на китайском.

– Спасибо, – Роза кисло улыбнулась.

Как она справится с переводом, если текст не в электронном виде, а на бумаге?!

– Отредактированную версию ждем от вас к концу недели, иначе мы не успеем напечатать либретто до начала гастрольного тура, – тетя-кактус уткнулась в свои бумаги и потеряла к Розе всякий интерес.

– Отлично, договорились, – держа удар, сказала Роза и пошлепала на выход.

В лифте по дороге вниз она несколько раз хлопнула себя китайским буклетом по лбу, потом сжала зубы и процедила сквозь них:

– Ничего, ничего, я как-нибудь справлюсь.

Сдаваться Роза не собиралась – к тому не было никаких генетических предпосылок. Ни азиатские, ни европейские предки ее в малодушии замечены не были.

Лев Антонович Батюшкин вышагивал по мраморному полу холла с величавой важностью, подобающей властителю дум и вершителю судеб. Резная трость отбивала ритм как часы. Ход времени был синхронизирован с шагами Льва Антоновича, поименованного в материалах рекламной кампании в поддержку его новой книги Новым (или вторым) Нострадамусом.

Многие утверждали, что первый Нострадамус был даровитее Батюшкина, но поклонников у таланта Льва Антоновича тоже было немало, особенно после удачного предсказания о падении метеорита в Челябинске. Издательство еще не напечатало, но уже активно рекламировало новую книгу Нострадамуса-Батюшкина и обещало, что тиражи, как и доходы, будут завидными.

Свежим мартовским днем Лев Антонович шел сдавать рукопись, от души наслаждаясь сим историческим моментом.

Несмотря на то что день был субботний, в холле офисного здания находилось немало людей. Большинство из них при-

шли по своим делам в «Бетабанк», расположенный на нижнем этаже. Человек десять толпились в очереди к банкомату, другие ожидали вызова к окошкам на банкетках вдоль стен. За конторками копошились банковские служащие, в стеклянном аквариуме скучал одинокий охранник. Движение к лифтам и от них было вялым: в субботу большинство контор на верхних этажах не работало.

Трое на банкетке под фикусом ничем не выделялись на местности до того момента, пока в холл не вошел величественный и важный Лев Антонович Батюшкин. В отличие от видного Льва Антоновича, эти трое были серыми и неприметными, однако разноцветные балаклавы на головах изменили ситуацию полностью. Балаклавы они напялили синхронно, как будто долго репетировали.

– Что за? – привставая, удивленно выдохнул охранник.

Трое в балаклавах выглядели нестрашно и походили на гномов. Вязаные колпаки с неровными дырками для глаз имели ослепительные люминесцентные цвета: лимонно-желтый, ядовито-зеленый и ярко-оранжевый. Ниже виднелись сутулые плечи, пухлые тела и тонкие ножки – все в дешевой одежде с китайского вещевого рынка, не впечатляющее ни формами, ни их упаковкой.

– Щас споют! – предположил охранник.

И ошибся, потому что трое в балаклавах сорвались с места и пустились в пляс, образовав подобие хоровода вокруг неприятно удивленного Льва Антоновича, ожидающего

лифт.

Подъемник в башне был только один, зато скоростной, долго ждать его не приходилось. Не успели веселые гномики завести хоровод, как двери лифта разъехались, и из причалившей кабинки вырвалась на оперативный простор мокрая, расстроенная и злая Роза Курдынбабаева с тетрадью в руке.

Лев Антонович, встревоженный бесовскими плясками трио в балаклавах, поспешил укрыться в лифте, но целеустремленная Роза не посторонилась, и они столкнулись в дверях.

И тут внезапно отрубилось электричество, и в холле стало темно, как в погребе.

Сразу стало понятно, как оплошало руководство финансового учреждения, одоббив смелую идею службы продвижения сплошь закрыть окна первого этажа щитами с рекламой банковских услуг.

Розу, которая присела, чтобы поднять упавшую тетрадь, полное затмение застало на корточках. Эта шаткая позиция превратилась в откровенно неприличную коленно-локтевую позу после первого же энергичного пинка, отвешенного ни в чем, кроме неуважения к старости, не повинной девушке неведомо и невидимо кем. Скорее всего, шустрыми гномами в балаклавах, потому что поблизости от Розы находились только они и Батюшкин. А уважаемый Лев Антонович никого пинать не мог, потому что после прямого попадания в него бегущей девушки тоже вынужденно принял позицию

«упор присев» и зашарил по полу в поисках своей собственной упавшей рукописи.

В темноте преимущество было на стороне резвой молодости. Роза первой схватила заветную тетрадку, поднялась, кого-то при этом толкнув, и замерла, не зная, куда бежать.

В этот момент открылась дверь, и на фоне пасмурного весеннего дня нарисовалась величественная черная фигура. Ее испуганная Роза в первый момент приняла за повелителя зла Дарта Вейдера, потому что на месте морды лица у фигуры имелся ребристый металлический выступ, а из кулака выростала длинная серебристая палка наподобие светового меча пониженной мощности и повышенной протяженности.

– Спокойно, граждане, у нас тут маленькая авария, сейчас все починим, – хладнокровно пообещал Дарт Вейдер, и Роза с облегчением опознала в нем пролетария в темном комбинезоне, резиновых ботах и маске сварщика.

За ним вошел второй такой же.

Никаких мечей у них не было, работяги тянули кабель, что успокоило даже охранника. Кабель идеологически правильно сочетался с борьбой за победу на электроэнергетическом фронте.

А тот факт, что это вовсе не кабель, а трос, внимания общественности не привлек.

– Кому зрение дорого, закрывайте глазки, чтобы не ослепнуть, – насмешливо посоветовал первый электрификатор.

Все послушно зажмурились, и получились такие «прят-

ки наоборот»: толпа незрячих застыла, ожидая сигнала прозреть, а работяги завозились, стуча, шурша и брякая.

И тут вдруг до Розы дошло: сейчас будет ослепительный свет, то есть вспышка, то есть – мощный электрический разряд, правильно?

А она вся мокрая!

Ой-ой-ой, да ее же насмерть убьет током!

В виду кошмарности такой перспективы ее реальную вероятность Роза Салаватовна не оценивала. К тому же физику дочь казахско-украинских подданных знала примерно так же, как китайскую грамоту. Однако Розе настолько не хотелось сменить мокрые тапки на белые, что она рискнула распахнуть глаза, вмиг оценила расстояние до ближайшего деревянного предмета мебели – метров десять, далеко! – и тут же вспомнила, что отличную изоляцию обеспечивает резиновая обувь.

План спасения от электрического разряда сформировался мгновенно и был приведен в исполнение моментально. Роза без долгих раздумий с короткого разбега запрыгнула на работягу в резиновых ботах, повиснув у него на спине на манер живого плаща.

Пожалуй, не стоило делать это без предупреждения, ведь даже отважные бойцы электроэнергетического фронта пугаются, когда им на спину в бестрепетной манере охотящегося тигра сигают незнакомые девушки!

У Розы, правда, мелькнула было мысль должным образом

представиться электрику («Я Роза, полностью Розетка!»), но она от нее отказалась, и много позже парень в ботах признался, что принял кенгуриный прыжок незнакомой девушки за нападение вооруженного охранника.

Это, конечно, объясняет, почему он задержался, раскачивая Розу, как маятник, и очень скоро сбросил ее на пол. Нет, даже хуже, чем на пол – на бедолагу Нострадамуса Второго, некстати заклиненного приступом пошлого радикулита.

Тем временем второй работяга в ускоренном темпе объявлял банкомат по воображаемой талии тросом и крикнул:

– Пошел!

Самым первым пошел, как ни странно, банкомат. Он очень резво пошел, буквально с места в карьер, и непосредственно на выход – в дверь. Снес ее с петель, развалил косяк, обрушился на ступеньки и с визгом съехал с них вбок, за пределы видимости из холла, оставив после себя кривую канавку.

Вторым и третьим пошли самозванные электрификаторы, четвертым – охранник, и только пятой – непрофессиональная прыгунья и бегунья Курдынбабаева.

В принципе, для спонтанного забега это был очень неплохой результат – все-таки Роза попала в пятерку.

Куда Розе совсем не хотелось попасть, так это в кутузку!

Поэтому сразу за выломанной дверью, на полуразрушенном крыльце нагло и дерзко ограбленного банка, она резко повернула и побежала в направлении, диаметрально проти-

воположном тому, в котором удалились стартовавшие раньше.

Трое в балаклавах проиграли бегуны Курдынбабаевой считанные секунды.

Лев Антонович Батюшкин еще крючился на затоптанном пяточке у лифта кособокой буквой «Г», клерки за стойками и клиенты на банкетках не успели разлепить ресницы, обезглавленная змейка очереди у украденного банкомата едва начала загибаться вопросительным знаком, а гоп-компания в разноцветных шапках-намордниках уже упорхнула.

Первый из троицы на ходу победно размахивал помятой общей тетрадь, и все бежали вприпрыжку, счастливые, как дети.

– Мамочка, смотри, какие клоуны! – обрадовалась маленькая девочка в песочнице.

– Таких клоунов у нас в тюрьму сажают, Олечка, – поморщившись, сказала ей мама.

– Типун вам на язык, мамаша! – услышав это, обиделся замыкающий в оранжевой балаклаве.

Он сначала затормозил, как будто желая продолжить дискуссию, а потом ускорился, настиг второго в цепочке и, задыхаясь от бега, напомнил:

– Лилечка, а не пора ли нам снять головные уборы?

– Ося! Ося! – Лилечка всплеснула руками и тоже ускорилась, как будто приняла эстафету.

– В храм бегут, – уверенно предположила разговорчивая булочница в ларьке, мимо которого трио в балаклавах промчалось со спринтерской скоростью, отчего Лилечкино «Ося, Ося» размазалось в одно певучее «О-о-о...» – К обедне опаздывают, на ходу распеваются!

– Вот им батюшка Игнатий кадилом-то в цветные морда-сы засветит, – мстительно пообещала старушка-покупательница. – Будут знать, как концерты устраивать!

Обе замерли и прислушались, надеясь уловить отголоски ожидаемого концерта с соло отца Игнатия на ударном инструменте типа кадило, но бегуны свернули в захламленный дворик и через несколько минут вернулись на ту же улицу совсем другими людьми.

Они по-прежнему были худосочными хлюпиками в дешевой одежде, но вместо ярких шерстяных морд имели теперь бледные интеллигентные лица.

Добытую в «Бетабанке» общую тетрадь некто Ося схоронил под курткой и придерживал на животе руками, отчего со стороны казалось, будто у него проблема с желудком.

– Питаться надо регулярно, диеты! – прокричала разговорчивая булочница, не узнав их без балаклав.

– Жрут всякую химию, а потом погибаются, – все с той же злорадно-мстительной интонацией прокомментировала бабуля-покупательница. – Дай-ка мне, Верочка, еще два пирожка с горохом!

Трое без масок скучно протопали мимо прилавка с пи-

рожками, мимо песочницы с девочкой, мимо ее мамы с тоской на лице и мимо первой в ряду спецмашины на подступах к «Бетабанку». Ввиду пугающего скопления там полиции они попятились и тихо отступили в боковую улочку, откуда на стареньком ишемически задыхающемся троллейбусе перебрались в спальный микрорайон Водников.

И только там, в малогабаритной двушке Лилечки, рассмотрели свою добычу.

– Это и есть его новая книга? – Ося повертел в руках толстую тетрадь в клеенчатом переплете.

– Это рукопись, Осенька, – мягко сказала Лилечка. – Когда ее напечатают, тогда будет книжка.

– Никогда ее не напечатают! – радостно осклабился их третий товарищ.

У него была непропорциональная грушевидная голова: крутой лоб, впалые щеки и узкий подбородок. Сходство с электрической лампочкой усиливала сияющая лысина.

– Ну почему же, Петя, почему же, возможно, в отдаленном будущем все-таки напечатают, – не согласился с ним Ося. – В самом деле, нехорошо будет, если этот труд совсем погибнет для истории.

– Ах, Ося! Поживешь с мое – узнаешь, что некоторым трудам лучше было бы никогда не выходить на свет божий, – вздохнул Петя, с намеком похлопав себя по лысине.

Он отчетливо ассоциировал ее с богатым жизненным опытом, которого Ося пока еще не приобрел.

У Оси лысины не было, имелась пока только маленькая розовая плешь, совершенно несерьезная и даже смешная. Ося плечи стеснялся и маскировал ее головными уборами, которых в его распоряжении было очень много: Ося работал костюмером в муниципальном театре. Балаклавами себя и товарищей, кстати, обеспечил именно он.

– Мальчики, мальчики! Не надо ссориться! – попросила Лилечка.

Ей было крепко за пятьдесят, и читатели библиотеки, в которой она похоронила лучшие годы своей жизни, называли ее Лильвасильной. Лилечкой она была для друзей и боевых товарищей, соратников по борьбе с тоталитарным режимом, который довел некогда великую страну до такого состояния. До какого именно, лучше всех рассказывал желчный Петя. После того как НИИ, в котором он проектировал гидротехнические сооружения, разогнали, Петя торговал на блошином рынке книгами и отточил мастерство вольнодумного оратора до совершенства. Времени для культурного роста у него было много – НИИ закрылся еще в начале девяностых.

Они устроились за кухонным столом. Хозяйка дома Лилечка заварила дешевый пакетиковый чай и насыпала в вазочку твердокаменных сушек. Петя автоматически погладил вставную челюсть и досадливо сказал:

– Все же я считаю, что эту рукопись надо сжечь.

– Как?! – ужаснулась библиотекаряша.

– Как, не читая?! – возмутился любопытный Ося. – Но нам же надо изучить этот труд и убедиться, что мы были правы!

– Это да, – согласился с ним Петя. – Ну, давайте изучать. Ося молча передал тетрадь Лиличке. Она раскрыла ее, разгладила страницы, сделала вдохновенное лицо и с выражением прочитала:

– Хидрый большой серый волк придуривал в чучело у ретизов и хотел поймать милых зайцов!

Ося шумно поперхнулся чаем.

– Бог мой, какая профанация! – подкатив глаза, вздохнул Петя, как будто даже не удивленный. – Лев Батюшкин – бездарь. Он даже не дал себе труд зарифмовать предсказания!

– Ни рифмы, ни ритма, ни грамотной русской речи, – подтвердила Лилечка и с брезгливой гримасой на лице дочитала абзац до конца: – Ряд милых зайцов тянули с мамой и не ожидали с волком. Мама боролась за защиту детей. После поймки маленький заяц волку пел, танцевал, играл гитар. Волк забыл первоначальную задачу, мама и ребята били волка, он головокружил и был вязан веревкой.

– Послушайте! Какие зайцы и волки, при чем тут весь этот мир животных?! – заволновался простодушный Ося. – Батюшкин ведь обещал назвать в своей новой книге наиболее значимые события двадцать первого века! И мы-то ведь ожидали, что он предскажет – что? Грядущую революцию, народный бунт и падение кровавого режима, который душит

нас в тисках и все такое! Мы ведь для чего украли эту рукопись предсказателя?

– Чтобы кровавый режим не узнал заранее про грядущую революцию, народный бунт, свое падение и все такое, – ответил Петя и скучно зевнул. – Но, Осенька, с чего же ты взял, что Батюшкин предскажет все это прямым текстом? Так даже настоящий Нострадамус никогда не делал. Вот, помню, в катрене восемь-четыре он говорит: «В Монехе будет принят Петух, появится Кардинал Франции. Римлянин будет обманут Логарионом. Станет слабым Орел и сильным Петух». А? Тоже вроде мир животных, не правда ли? При этом под орлом подразумевается Древний Рим, а под петухом – Галлия.

– В самом деле, Осенька, это же классический эзопов язык, – вмешалась добрая Лилечка. – Вот, посмотри: «ряд милых зайцев» – это, по-твоему, кто? Понятно же, что это сплоченные шеренги революционеров! Маленьких, тихих, простых людей, которые жили бы мирно и спокойно, если бы не злой Волк.

– Который придурился чучелом! – азартно подхватил Петя. – Ха! Хочешь, я назову тебе фамилию этого Волка? Да ты ее знаешь, вся страна ее знает. Придушивается, что он добрый и заботливый отец нации, а сам – натуральное чучело!

– А Мама тогда кто? – заинтересовался Ося. – Родина-мать? Раз эти зайцы – ее дети?

– Возможно, – согласилась Лилечка. – Хотя, строго гово-

ря, волки ведь тоже на нашей общей земле родились. Поэтому не исключено, что Мама, которая борется за своих детей, это какой-то реальный человек – вождь заячьей революции.

– Значит, в бой нас поведет женщина! – прошептал доверчивый Ося. – Вот это действительно важная информация! Узнав о Маме, кровавый режим мог бы заранее выкосить в рядах оппозиции потенциальных лидеров женского пола!

– А мы их всех спасли, и теперь все будет хорошо, – режумировал Петя. – Согласно предсказанию, Волк откажется от мысли сожрать зайцев, будет бит и связан по рукам и ногам...

– Новыми демократическими законами, – с удовольствием договорила за него Лилечка.

Она всплеснула руками и с материнской нежностью посмотрела на соратников:

– Какие же мы с вами все-таки молоцы, мои зайчики!

– А давайте еще почитаем? – блеснул глазами Ося. – Так интересно узнать, какое будущее у нашей страны!

Так и вышло, что ни в этот день, ни после увлекательную рукопись они не сожгли.

А в это время Зяме было скучно.

Лизонька, угадай она Зямино настроение, была бы оскорблена в лучших чувствах, поэтому он старательно делал заинтересованный вид, а позевать уходил в укромный угол. Слава богу, таких углов в просторном зале, декориро-

ванном под восточный шатер, было немало – Зяма как чувствовал, что они ему понадобятся, когда придумывал дизайн помещения.

– Казимир, вы обязательно должны быть на нашем маленьком празднике, – сказала ему накануне Лизонька голосом столь же мягким и крепким, как свинцовый кастет под уютной шерстяной варежкой. – Это семейное торжество, будут только свои, а с вами я уже почти сроднилась, так что отказа не приму, даже не думайте.

– Не буду думать, – пообещал Зяма, потому как о чем тут было думать, в самом-то деле?

Капризная красавица явно не удовольствовалась тем, что заполучила знаменитого Казимира Кузнецова как дизайнера, и собиралась протестировать его как любовника.

Нельзя сказать, что Зяма был против. Он горячо любил всех красивых женщин без исключения, а Лизонька была весьма и весьма хороша – и от природы, и благодаря усилиям косметологов, пластиков, стилистов, визажистов, массажистов, портных, сапожников, щедро оплаченных деньгами супруга-банкира.

Да, Лизонька была замужней дамой, и «маленький праздник» на сто пятьдесят персон как раз был посвящен десятилетнему юбилею счастливого супружества.

– Десять лет! – ехидно молвил кто-то в одном из тех укромных углов, где Зяма периодически отдыхал от шума и блеска «скромного семейного торжества». – Иным за убий-

ство меньше дают!

Сияющая Лизонька в роскошном кремовом платье со шлейфом как будто только что выпорхнула из-под венца, зато благоверный ее выглядел изрядно заезженным и время от времени так странно и мучительно поводил шеей, словно хомут семейной жизни натер на ней мозоли.

Зяма поглядывал на Лизонькиного мужа с усмешкой, которую осмотрительно прятал за бокалом.

Максим Горохов был не тем человеком, над которым можно безнаказано потешаться. Сегодня у Горохова имелся прекрасный респектабельный бизнес, но двадцать лет назад он держал оптовый рынок, что означало прямые и тесные связи с бандитами. Такой человек вряд ли согласится на роль супруга-рогоносца и вполне способен по старой привычке разгладить «шашечки» на накачанном прессе героя-любовника раскаленным утюгом. Поэтому Зяме не хотелось, чтобы Горохов догадался о намерении Лизоньки приобщить к коллекции украшающих ее опочивальню дорогих безделушек высокооплачиваемого дизайнера Казимира Кузнецова.

Лизонька, надо отдать ей должное, старательно изображала любящую супругу, не отходя от мужа ни на шаг. Если она не вилась рядом с ним в танце, то кружила вокруг с демонстрацией заботливости, оглаживая по плечам, теребя за рукав, снимая пылинки и целуя в щечки, постепенно наливающиеся свекольной краснотой.

Зяма мог поклясться, что счастливый муж, безжалостно

упакованный в жемчужный смокинг с бутоньеркой в петлице, с легкостью отдал бы содержимое своего пухлого бумажника за возможность сбежать с этих пафосных танцулек куда подальше. Тем не менее Горохов держался на диво стойко и даже почти не прикладывался к бутылке.

В отличие от Лизоньки, которая еще на старте мероприятия махнула пару бокалов шампанского и с тех пор неуклонно набирала скорость.

Если бы не Горохов, грамотно отсекавший благоверной подступы к барной стойке, Лизонька уже не принадлежала бы к виду двуногих прямоходящих.

– Давайте делать ставки, – бесшумно возникнув рядом с Зямой, незаметно наблюдающим за Гороховыми, предложила пышная дама в парчовых доспехах, щедро инкрустированных бриллиантами. – Несмотря на все старания Макса, говорящая кукла Лиза до обеда не доживет. Я думаю, ее унесут еще до горячего. А вы как считаете?

– А я считаю так: один, два, три! – ответил Зяма, замаскировав откровенную грубость обворожительной улыбкой.

Среди присутствующих было немало его клиентов, однако никого из них он не знал настолько близко, чтобы сплетничать об остальных.

– Вы шалунишка! – после секундного замешательства парчовая дама басовито захохотала.

Она сделала попытку повиснуть на Зямином локте, однако он совершил изящный маневр, подсмотренный у матадо-

ра на корриде, и увернулся, в итоге гармонично встроившись третьим-не-лишним в тесную компанию двух выпивающих джентльменов.

– Уодки уыпьешь? – безотлагательно предложил один из них.

– Уи, – согласился Зяма и принял стопку, но не осушил ее. Вообще-то дама в парче была права: несмотря на то что мероприятие началось в формате утренника, и Лизонька, и ее гости стремительно напивались. Еще бы: все спиртное, надо отдать должное хозяину праздника, было высшего класса – право, грех не напиться!

– Не зря говорится, что шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты, – пробормотал Казимир Кузнецов, слишком трезвый, чтобы быть отнесенным к одной из названных категорий.

Он все-таки держал в уме реальную возможность слиться в экстазе с прелестной Лизонькой, и потому почти не пил, чтобы не допустить фатального воздействия алкоголя на крепость всех своих членов.

Оглядев толпу, Зяма подумал, что до поедания праздничного торта доживут немногие, а жаль. Чтобы разъять на части многоярусную башню, сотворенную специально привезенным французским кондитером, потребуется много едоков.

Зяма обещал папуле, что расскажет ему про начинку банкирского торта во всех подробностях. Папулю особенно ин-

тересовала нынешняя парижская мода на сложносоставные фруктово-цветочные десерты. Он также потребовал, чтобы Зяма непременно отколупнул для исследования фрагмент глазури с торта, если уж у него не получится принести любимому папе нормальный кусок, пригодный для вдумчивой дегустации.

Но красавец-торт, заранее доставленный в зал на специальной тележке, еще ожидал своего звездного часа.

Тем временем праздничный утренник аристократов и дегенератов шел по программе, рассчитанной явно не на один час. Уже были выпиты приветственные коктейли и состоялся изысканный завтрак, за которым гости посмотрели эпическое кино о первом десятилетии семейной жизни Максима и Лизоньки Гороховых.

Зяма заподозрил, что супруги снимали на видео едва ли не каждый свой шаг, вздох и чих, а приглашенные киношники отнеслись к этому материалу с преувеличенным почтением, сотворив в итоге полуторачасовую сагу, растянувшуюся на четыре перемены блюд. К каждому из них, разумеется, подавалось свое прекрасное вино, тут-то непростой народ и начал массово спиваться.

По мнению Зямы, Гороховы напрасно сэкономили, не позвав в режиссеры своей эпопеи Квентина Тарантино: тот наверняка оправдал бы тайные ожидания публики, прикончив в кадре хотя бы одного из супругов, а лучше обоих. Без Тарантино плазменный экран фонтанировал приторными ро-

зовыми соплями, глотать которые было просто отвратительно. Так и хотелось задушить всех, до кого дотянешься!

А после киносеанса морально подготовленной публике предложили насладиться реалити-шоу: герои фильма живьем вышли на подиум и повторили свои брачные обеты в присутствии умильно улыбающегося мэра. После чего он подставил им красную папку, в которой повторно брачующиеся старательно расписались. Это очень походило на подписание инвестиционного соглашения, но хотя бы не сопровождалось сюсюканьем сладкоголосой дикторши. К этому моменту бразды правления праздником перехватил популярный радиоведущий Коля Бэтмен.

Бразды имели вид профессионального микрофона, подключенного к мощным усилителям, так что не услышать Колю было невозможно. А услышав, нельзя было сопротивляться сокрушительному обаянию ведущего, очаровательного, как гаммельнский крысолов, способный увлечь за собой всех грызунов в зоне слышимости.

Первым делом Коля увлек аристократов и дегенератов в самозабвенный пляс.

Уже на этой стадии Зяма начал сторониться компании, потому что веселые нетрезвые дамы то и дело норовили затянуть его в хоровод.

Гороховы, подавая пример гостям, кружились в вальсе и оттапывали друг другу ноги в кадрили. При этом у хозяина праздника был сосредоточенный и даже суровый вид храб-

рого первоклассника из стихотворения со словами: «Я прививки не боюсь, если надо – уколюсь!» Чувствовалось, что Максим Горохов намерен стойко выдержать все испытания торжественного дня.

Мироздание, очевидно, оценило его беспримерное мужество и сжалилось, организовав телефонный звонок с неким важным сообщением. Получив его при посредничестве секретарши, прибежавшей с трубкой наперевес прямо на танцпол, Горохов взволновался, дернул галстук, отмахнулся от нахмурившейся жены и заторопился прочь, прижимая телефонную трубку к сердцу так, словно там образовалась сквозная рана. Расстроенная Лизонька некоторое время семенила вслед за быстро удаляющимся супругом, а потом топнула ножкой, сверкнула глазками и цапнула с подноса проходившего мимо официанта сразу два бокала.

Очевидно, эта модель красивой говорящей куклы работала на жидком топливе.

Влив в себя шампанское, Лизонька хмурым взглядом исподлобья просканировала помещение и просветлела личиком, высмотрев в тени парчового шатра его автора. И Зяма на полчаса, не меньше, был осчастливлен обществом прелестной хозяйки праздника.

За это время кукла Лиза утомила его так, как прежде – в далекие детские годы – утомляла только принудительная воскресная уборка игрушек в комнате, которая на протяжении недели представляла из себя быстро разрастающийся

хламовник.

И то сказать, Лизонька имела немалое сходство с самоходной фабрикой по производству мусора, потому что из нее постоянно что-то сыпалось. Зяма устал подхватывать падающие из рук и под руками буйно жестикулирующей дамы бокалы, тарелки, канapé с тарелок, маслины с канapé, а также приборы, в числе которых оказались не только серебряные ложки, но и золотой мобильник. Его Зяма дважды подобрал с пола, трижды – с подноса официанта и еще один раз выловил из чаши с пуншем, после чего уже завернул, сожалея, в белый саван собственного носового платка. Лизонька понесенной утраты не заметила.

Зяма определенно понял, что толстуха в парче выиграла бы свое пари. С уходом мужа Лизонька сорвалась с тормозов и стремительно покати́лась в бездну порока. Зяма всерьез задумался: а хочет ли он составить ей компанию в этой бездне?

Нетрезвая сердитая Лизонька все больше походила на злобную Снежную королеву из «Хроник Нарнии». Двигаться она стала рывками, как примороженная, на происходящее реагировала с замедлением, и пальцы у нее сделались холодные, как сосульки. Зяма даже вздрогнул, когда Лизонька неожиданно цепко схватила его за руку.

– Идем со мной! – прошептала она ему в ухо.

Голос, надо сказать, у Снежной королевы Лизоньки был очень даже жаркий.

– Куда? – осмотрительно уточнил многоопытный Зяма, зловредно тормозя ногами.

– Туда! – ответила Лизонька и просторным жестом указала на юго-восток.

Следуя в этом направлении с желательной нетерпеливой даме скоростью и энергией, они проследовали бы через Абхазию, Грузию, Армению и Иран до самого Персидского залива. Не самые лучшие края для адюльтера!

– Дамы вперед, – сказал Зяма.

– Не задерживайся, милый! – обрадованно прощепетала Лизонька, удаляясь в густую зелень декоративных горшечных растений, маскирующих вход в бассейн.

– Вот-вот, поплавай, милая, остынь! – шепотом посоветовал ей Зяма и сориентировался на северо-запад – к выходу.

Но ему не дали уйти, потому что Коля Бэтмен как раз затеялся проводить очередной дурацкий конкурс, и Зямин свободолобивый порыв ошибочно был принят за положительный отклик на призыв к желающим выйти на сцену.

– С нами, с нами! – заворковали незнакомые холеные дамочки, подхватывая Зяму под локотки.

Лапки у холеных дамочек были мягонькие, но цепкие, хватать и крепко держать вырывающихся мужиков они были обучены еще в нежном девичестве. Зяма сдался и позволил увлечь себя на помост, где очень нескучно скоротал пятнадцать минут, показавшиеся ему долгой пыткой. За это время его измазали помадой, присыпали конфетти, лишили пары

пуговиц на рубашке, разлохматили – короче, привели в такой вид, как будто он не просто пал в бездну порока, но еще и катался там и валялся, притом в большой компании.

Затем Зяма долго искал туалет, чтобы привести себя в порядок.

Уже в приличном виде, умытый и причесанный, он вернулся в зал и столкнулся с поджидавшей его толстухой в парче. Та, оказывается, решила, что они все-таки заключили пари, и злобно радовалась затянувшемуся отсутствию Лизоньки, требуя с Зямы некий выигрыш. Он не стал уточнять, что именно она желает с него получить, сказал только:

– Пардон, мадам, пора бы подкрепиться!

Действительно, официанты уже загоняли пестрое стадо веселых и хмельных гостей в соседний зал, где были снова накрыты столы.

Ускользнув от парчовой мадам, Зяма отыскал на столе карточку со своим именем и скромно занял место у кормушки, решив, что ему и в самом деле не помешает подкрепиться. А потом еще утолить информационный голод папы-кулинара, который будет расстроен, если не узнает, как именно в высшем свете гарнируют рябчиков в белом вине.

К сожалению, меню обеда так и осталось тайной для всех, кроме тружеников кухни. Когда все гости собрались и стало очевидно, что только хозяйские места за столом пустуют, неутомимый Коля Бэтмен принялся выкликать имя Лизоньки в микрофон и даже сподвиг присутствующих скандиро-

вать его громким хором. Однако Лизонька все не появлялась, и тогда ее кинулись искать и вскоре успешно нашли, но обед после этого пришлось вообще отменить.

Лизонька Горохова последовала неосторожному совету Казимира Кузнецова «поплавать и остыть». Когда ее вытащили из бассейна, куда она бухнулась во всем своем парадном облачении, включая туфли, Лизонька остыла настолько, что ей уже было не место среди живых теплокровных.

– Однако, погуляли, – пробормотал ошарашенный Зяма при виде хладного тела хозяйки испорченного праздника.

Несмотря на призыв оставаться на своих местах, гости быстро покинули усадьбу. Следственную группу встречала прислуга.

Казимир Кузнецов и Коля Бэтмен закончили вечер в баре, где мертвецки напились.

А папуля так и не дождался отчета о банкете.

Воскресенье

Телефон зазвонил, когда я намылила голову. Выбрал время, зараза!

Эти злокозненные современные аппараты с их механическим разумом в конце концов погубят человечество оптом и порознь! Лично я едва не захлебнулась!

У нашего домашнего телефона голос такой мощи, что шалпинский бас по сравнению с ним показался бы слабым жужжанием. Громкость звонка постоянно накручивает бабуля, у которой возрастные проблемы со слухом. А все остальные члены нашей семьи безропотно подвергают свои барабанные перепонки внезапным акустическим ударам из уважения к матриарху. Ну, и еще из страха, что обиженная бабуля раскричится так, что слабым жужжанием покажется выступление большого сводного хора дважды Краснознаменного Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии.

У нашей бабули характерец – будь здоров! То есть, наоборот, последнее здоровье потеряешь, если свяжешься.

Что характерно, спящий Зяма на истошные вопли телефона не прореагировал.

Вся мокрая, в мыле, пятная пол пенными клочьями и кутаясь в полотенце, я добежала до аппарата первой и единственной.

– Да!

– Казимир Борисович? – обрадовался заждавшийся ответа женский голос.

Я обиделась.

Положим, я слегка запыхалась, а перед этим еще глотнула водицы и закашлялась, так что голос мой сделался хриплым и прерывистым, как у взволнованного курильщика, но перепутать мое второе сопрано с баритоном Зямы?! Похоже, не только у нашей бабули большие проблемы со слухом.

– Это Индия, – хмуро сказала я.

– Ой! Я вроде звонила на городской? – встревожилась моя собеседница.

Точно, какая-то старушенция. Мало того, что глуховатая, так еще и скаредная. Боятся, что разговор с далекой Индией ее разорит.

– Это не та Индия, в которой слоны и чай, – вздохнув, привычно объяснила я. – Не страна. Это та Индия, которая родная сестра Казимира. Индия Кузнецова.

– О! А вы любите своего брата?

Изначально некомфортный разговор приобретал неожиданный оборот, превращаясь в сеанс совсем уж неуютных философских исканий.

На тот вопрос, что был задан мне с шокирующей прямо-той, я не могла однозначно ответить уже лет тридцать. С тех пор, как научилась говорить.

Люблю ли я Зяму? Хм...

Можно спросить, любит ли собака кошку, кошка мышку, а слонopotам поросят. Наши же с братцем взаимоотношения всегда были гораздо сложнее, чем в мире животных. Конечно, я его люблю – с одной стороны. А с другой – иной раз просто убила бы, например прямо сейчас!

– А в чем, собственно, дело? – я уклонилась от ответа и перешла в наступление.

– Дело в том, что Лизонька его назвала, – как-то очень многозначительно сказала моя собеседница.

Я не ведала, кто такая Лизонька, но прекрасно знала Зямину любвеобильность и резонно, как мне показалось, предположила:

– Что, у них родился мальчик?

– У кого? – прозвучало после паузы.

На том конце трубки тоже наметилась тенденция к глубокомысленной задумчивости.

– У этой Лизоньки и Зямы?

Тенденция укрепилась.

– Какой мальчик?

– «А был ли мальчик?» – подсказала я логичную реплику. – Если не было, то кого тогда назвала ваша Лизонька? И как она его назвала? Надеюсь, не в Зямину честь – Казимиром? Намучается пацан с таким-то именем.

– Слушайте, какой пацан?!

– Ну, Лизонькин! И Зямин, разумеется, если, конечно, он не чей-нибудь другой.

Тут я подумала: люблю я брата или нет, а защищать его от наветов и нападок все же буду!

И спросила с подозрением:

– Что там за Лизонька, не знаю, можно ли доверять ее словам?

– Так она же все записала! – голос в трубке вновь преисполнился воодушевления.

– Что – все? Дадите почитать?

Мне всегда была интересна личная жизнь старшего брата.

– А вот это уже деловой разговор, – одобрила мою любознательность собеседница. – Значит, так. Пять тысяч долларов наличными, и дневник ваш, а иначе его следователь читать будет. Вам это надо?

– Не знаю, – честно ответила я, упустив нить беседы.

Какой следователь? Какой дневник?

И главное – какие пять тысяч долларов?!

У меня таких денег не было. А жаль.

– Возможно, они есть у Зямы? – услужливо подсказал мой внутренний голос. – Раз уж эта дама вымогает именно такую сумму?

– Но за что? – спросила я вслух.

Я-то имела в виду – за что такие деньги? А собеседница поняла меня по-своему и гневно фыркнула:

– По-вашему, не за что? По-вашему, убийство – это так, пустячок?!

Тут я ненадолго онемела, а она решительно договорила:

– Завтра в двадцать ноль ноль у памятника Пушкину, приходите одна и с деньгами. И никому ни слова! – и положила трубку.

Я озадаченно почесала гудящей трубкой затылок, перекосив тюрбан из полотенца, немного поразмыслила, ничего не надумала и пошла будить спящего Зяму.

Он притаился домой под утро и на бровях, кои от этого изрядно разлохматились, как и Зямины буйные кудри, которым я в очередной раз позавидовала. Повезло братцу: у него такие красивые золотые локоны, а у меня на голове натуральная соломенная копна, вот где справедливость?!

– Зямка, проснись! – позвала я неласково.

– Хрррррр! – ответил на это братец и перекатился на другой бок, повернувшись ко мне задом, к венецианской штукатурке передом.

У меня был выбор – хлестнуть его по спине мокрым полотенцем или пустить в ход сокрушительное музейное оружие. Я выбрала второе и звонким детским голосом прочирикала братцу в ухо:

– Зямочка, я съем твою шоколадку?

– Нет! – возмутился братец, аж подпрыгнув.

Я коварно улыбнулась. В детстве мы с Зямой постоянно конкурировали за сладкое. Кровавопролитные бои за шоколадки постепенно превратились в позиционную войну, но не забылись, и обострение конфликта возможно в любой момент. Была бы шоколадка!

– Какую шоколадку? – Зяма приподнялся в постели и искательно огляделся.

– Никакую, мне просто нужно было тебя разбудить, – призналась я, осторожно опускаясь в дизайнерское кресло, похожее на набитый соломой мешок, пристроенный на противотанковый еж. – Скажи-ка, братик, у тебя есть пять тысяч долларов?

– Какая ты бессовестная, Дюха! – Зяма снова рухнул в подушки. – Будить меня из корыстных соображений! Я не дам тебе денег, мне самому мало. Попроси у мамули, она получила гонорар за сценарий.

– Сам проси у мамули! – возразила я, мысленно приняв к сведению ценную информацию: ага, мамуля при деньгах, а мне как раз нужно совсем немножко тысяч рэ на новые туфли! – Это тебе необходимы пять тысяч долларов, чтобы выкупить какой-то там дневник!

– Никакой дневник не стоит пяти тысяч долларов, – уверенно сказал братец.

– Даже дневник убийцы Джона Кеннеди? – прищурилась я.

– За пять тысяч баксов? – Зяма секунду подумал. – Нет, я не настолько любопытен. Хотя его можно продать какому-нибудь издательству.

Он снова сел, потянулся и энергично потер глаза.

– Так, Дюха, объясни мне, в чем дело. Тебе на самом деле предложили купить за пять тысяч долларов дневник убийцы

Кеннеди?

– Не исключено, – я пожала плечами. – Она не сказала, кто кого убил. Просто потребовала дать ей пять тысяч баксов, потому что иначе этот дневник будет читать следователь. Бесплатно, я полагаю.

– Кто – она? – Зяма выхватил главное.

– Тоже не знаю. Она не представилась. Какая-то женщина, – я постаралась вспомнить точно. – Она позвонила на наш домашний номер и зловещим голосом сообщила, что Лизонька его назвала. Кого и как – не спрашивай, я и этого не знаю. Но за дневник этой Лизоньки с тебя пять тысяч баксов.

– Лизонька?! – Зяма побледнел и заелозил, подбирая ноги. – О боже мой!

– Ты выглядишь как маленький мальчик, увидевший привидение, – заметила я.

– Так и есть!

Я подняла бровь и огляделась.

Кроме нас двоих, в комнате никого не было, а я девушка с формами и даже в белом полотенце мало похожу на призрак.

– Лизонька – это моя клиентка, я оформлял интерьеры для ее семейного торжества, – объяснил Зяма. – Вчера у них с мужем был юбилей – десять лет супружества, и в разгар праздника Лизонька утонула в бассейне.

– О! – сказала я.

Потом мне пришло в голову уточнить:

– Сама утонула?

– Мне-то откуда знать?! – Зяма еще больше занервничал.

– О! – повторила я и подняла вторую бровь. – А у вас что-то было?

– Ничего, кроме чисто деловых отношений! – слишком горячо и торопливо заверил меня братец.

– Но планировалось? – не отставала я.

– Именно! – Зямка щелкнул пальцами. – Я что-то такое подозревал, а Лизонька, наверное, планировала! Она любила составлять списки дел. Не удивлюсь, если совращение меня стояло в планах ее вчерашнего дня отдельным номером.

– А планы записывались в дневник? – догадалась я и пару раз кивнула. – Ну да, теперь понятно... Если Лизонька назначила процесс, который ты изящно называешь твоим совращением, на то время, которое стало ее роковым часом, это реальная улика против тебя! Докажи теперь, что не ты ее утопил!

– Да там были сотни людей! – взвился Зяма. – Ее мог утопить кто угодно!

– Я полагаю, Кто Угодно не записан в Лизонькином дневнике, – невозмутимо парировала я. – А ты записан. М-да, Зямка... Боюсь, тебе придется раскошелиться на пять тысяч баксов. Или ты предпочитаешь сэкономить и довериться следствию с правосудием?

– Еще чего! Мне дорога моя жизнь на свободе! – Зяма энергично полез из-под одеяла, и я тактично отвернулась.

Он удалился, но вскоре напомнил о себе недовольным воплем:

– Эй, почему в ванне стоит вода?!

– Потому что в воде сидела я! Меня вытащила из ванны твоя телефонная шантажистка! – так же недовольно прокричала я в ответ.

Через секунду Зяма вновь возник в дверном проеме. Он уже не возмущался, наоборот, физиономия у него была такая умильная, что я насторожилась.

– Индиана Джонс, мне понадобится твоя помощь, – хлопав длинными шелковыми ресницами (еще один предмет моей лютой зависти), кротко попросил братец. – Ты же не бросишь меня на растерзание злой шантажистке?

– Не брошу, – со вздохом сказала я.

И с ухмылкой добавила, когда он отошел:

– Но это тебе обойдется недешево!

В конце концов, человек, который готов отдать пять тысяч долларов незнакомой шантажистке, вполне может дать немного русских денег родной сестре, не правда ли?

Кто-то скажет, что я цинична, но это вовсе не так. Я практична. Зяме нужна моя помощь, а мне нужны новые туфли.

От каждого по способностям, каждому по потребностям!

– Мы придем к победе, – успокоила я Зяму за завтраком. – Не обещаю, что к победе коммунизма, но уверена, что все будет хорошо.

– Аминь! – с чувством ответил братец и впился зубами в

свой бутерброд.

Я охотно последовала его примеру.

Нам надо было подкрепиться, чтобы спланировать кампанию по спасению невинного Зямы из когтей шантажистки.

Понедельник

– Трам-тарарам, Индия, твою мать! – проорал Бронич так громко, словно пытался по суперсрочной надобности связаться с далекой страной без помощи телефонной связи.

Алка Трошкина сделала большие глаза и заморгала, как автомобильчик фарами. Даже не зная азбуки Морзе, я с легкостью расшифровала ее сигнал, но не тронулась с места. Был еще маленький, но все же шанс, что обрамленный ругательствами призыв разозленного шефа адресован стране слонов и чая, а вовсе не мне. Бронич ведь знает, что я предпочитаю, чтобы меня называли Инной.

– Кузнецова! – рявкнул шеф, и Алка Трошкина малодушно зажмурилась.

Шансов не осталось.

– Ну, я пока еще Кузнецова, – неохотно откликнулась я, кстати подумав, что пора уже выйти замуж и сменить фамилию.

Небось на законную супругу полицейского майора – начальника криминалистического отдела ГУВД края – Бронич так орать не осмелится.

– Иди! – шепнула мне Трошкина и изобразила, как именно нужно идти: мелкими шажками, как гейша, свесив лапки перед грудью, как зайчик, и опустив голову, как раскаивающаяся грешница.

– Сама так иди! – тоже шепотом огрызнулась я, понимая, что столь убедительно, как у Трошкиной, раскаяние у меня не получится.

Я университетов культуры не кончала и актерско-режиссерским приемчикам не обучалась. Меня готовил к суровой трудовой жизни в рекламном агентстве филфак университета.

– Чего изволите, Михаил Брониславич? – привстав за столом, сухо осведомилась я в лучших традициях легкого салонного трепа.

Вообще-то я знала, почему он орет.

Знакомая девочка в службе продвижения ограбленного позавчера «Бетабанк» честно предупредила меня, что ее начальство попытается повесить всехдохлых собак на наше агентство «МБС». Мол, это мы уговорили дирекцию банка наглухо закрыть окна офиса рекламными щитами, в итоге создав благоприятные условия для воистину темных дел и тем самым сыграв на руку хитроумным преступниками.

– Зайди ко мне, Инночка! – позвал Бронич зловещим голосом дядюшки гиббона, призывающего: «Подойди к нам, Слононок, мы дадим тебе тумачков!»

– Да говорите уже, пусть все слышат ваши несправедливые нападки! – не дрогнула я.

Трошкина схватилась за голову. Я жестами показала ей, что знаю, что делаю.

– Однажды я тебя все-таки уволю, Кузнецова! – сообщил

шеф раздраженно, но не без уважения.

Трошкина неуверенно улыбнулась.

Однажды, ха! Да только за последний год Бронич увольнял меня трижды! И всякий раз снова нанимал с повышением заработной платы.

– Да ладно вам, Михаил Брониславич! – примирительно откликнулась я. – Вы же знаете, что я ни в чем не виновата! Концепция была согласована с заказчиком, а хитроумные грабители – это непредусмотренный форс-мажор. При чем тут мы?

– При том, что наша репутация гибнет! – с чувством ответил шеф.

– Она как-нибудь спасется, ей не привыкать, – заявила я, не веря, что Бронич дергается из-за гибнущей репутации агентства. – Вам ли не знать, что в нашем бизнесе даже дурная слава – это хорошая реклама. Через две недели почти все забудут, по какой причине агентство «МБС» упоминалось в новостях, но крепко запомнят, что оно было у всех на слуху.

– Да, но к тому времени «Бетабанк» успеет отдать свой новый заказик «Авроре»! – шеф стукнул кулаком по столу. – Ты же помнишь, у них был альтернативный проектик с лайтбоксами!

– Ах, вот в чем дело! – теперь я действительно все поняла. «Бетабанк» демонтировал скомпрометированные щиты на окнах и теперь нуждается в новых рекламных конструкциях, а Бронич желает остричь эту жирную овечку повторно.

Что ж, понятный резон. Только я тут при чем?

– А я-то тут при чем? – спросила я вслух.

Совсем не грубо, наоборот, задушевно-лирично спросила. Примерно как Катерина из «Грозы», которая озадачивала окружающую действительность другим небезынтересным, но тоже лишенным практического смысла вопросом: «И почему это люди не летают?»

– А ты тут при должности главного редактора! – не задержался с ответом Бронич. – И должна гнуть нашу стратегическую линию, как Жаботинский подковы!

– Кто такой Жаботинский, почему я не знаю? – заволновалась наша бухгалтерша Маша Антонова по прозвищу Мария Антуанетта.

Она у нас недавно работает и очень нервничает из-за того, что не вполне разобралась с клиентской базой.

– Потому что ты, Марья, темная девица! – подал голос из затемненной, как логово вампира, монтажки видеоинженер Андрюха, он же Энди, Эндрю, Андрон или Андрэ. – «Жаботинский» – реально классная группа. Могу дать послушать их новый диск.

– Металлисты небось? – фыркнула догадливая и не темная Трошкина. – Дум, дум! Ду-ду-дум! Дыннннц! Бу-у-умс!

Музыкантов-металлистов она изобразила не хуже, чем кающуюся грешницу. Бронич, встревоженный неуставными звуками, даже выглянул из кабинета:

– С ума посходили? Это что за кладбищенский оркестр?

Не надо нас хоронить, мы еще повоюем! Ну-ка, Инночка...

– Я! – я расправила плечи.

– Йа, йа! Натюрлих! – развернул рефрен Эндрю, переформатировав Алкиных богатырей-металлистов в рокеров-готтов.

– Сумасшедший дом! – неодобрительно сказала Маша Антонова.

Говорю же – она недавно у нас, еще не привыкла.

– Деточки, у вас ровно десять минут, чтобы придумать, как мы заберем заказик «Бетабанка», – тяжелым, как гири, которыми жонглировал настоящий Жаботинский, голосом сказал шеф. – Потом я начну вас увольнять без выходного пособияца. Девять ноль восемь, времечко пошло!

Он демонстративно посмотрел на офисные часики – незатейливые, круглые, но с циферблатиком, разделенным на три сектора: «Инь», «Янь» и «Хрень», – после чего шумно затворился в своем кабинетике.

– Ду-дух, – по инерции договорила талантливая металлистка Трошкина и тоже посмотрела на часы.

В наступившей тишине минутная стрелка зловеще шелкнула и вошла в зону «Хрень».

И это была суровая правда, выраженная с подкупающей прямоотой.

– Девять минут, тридцать секунд, – собираясь, быстро сказала я. – Думаем, люди, думаем! Как перебить заказ у «Авроры»?

– Соблазнить рекламного директора «Бетабанка», – предложил Эндрю.

– Он педик, – сказала Алка.

– Тогда беру свои слова назад, – ретировался Эндрю.

– Еще версии? – я побарабанила пальцами по столу.

– Привлечь клиента беспрецедентно низкой стоимостью работ, – посоветовала Мария Антуанетта.

– Я все слышу! – крикнул Бронич. – С ума сошли, работать бесплатно? Девять минуточек, живо думайте, а то всех уволю! Машеньку первой!

Бухгалтерша расстроилась, но утешать ее было некогда.

– Может, предложим банкирам что-то необыкновенное и удивительное? Рекламу на воздушных шарах или вроде того? – неуверенно помыслила Трошкина.

Она тоже помнила, что ничего необыкновенного и удивительного консервативные банкиры не хотели.

– А если предложить им откат? – опасливо косясь на кабинет шефа, шепнула бухгалтерша.

– Это не мой стиль, – отказалась я.

– Ну да, Инка, в твоём стиле был как раз вооруженный налет! – захохотал Эндрю.

– О! – сказала я и щелкнула пальцами.

– Что – о? – спросила Мария Антуанетта.

– Тихо! – пристально глядя на меня, Трошкина подняла руку. – Всем молчать! Не сбивайте Кузнецову с мысли!

Я благодарно кивнула подружке, которая знает меня луч-

ше, чем кровная родня. В школе мы с Алкой сидели за одной партой, и уж она-то помнит, как выглядит в моем исполнении Гениальное Озарение.

Я загадочно улыбнулась, прищурилась и пару раз кивнула собственным мыслям.

– Так «О» или не «О»? – не дождавшись объяснений, нетерпеливо поинтересовался Эндрю.

– О, о, – ответила за меня Трошкина. – Еще какое «О»!

– Ого-го какое «О»! – подтвердила я. – Так, слушайте. Про налет на банк – это была толковая мысль.

– В смысле? Мы что, пойдем добывать заказ «Бетабанка» с пистолетами наголо? – струхнула Мария Антуанетта.

При этом трусишка все-таки сказала «мы», а не «вы», что характеризовало ее положительно. Глядишь, еще волеется в наш дружный коллектив!

– Наоборот, – успокоила я необстрелянного новобранца. – Мы преподнесем уже состоявшееся субботнее ограбление таким образом, что оно пойдет не во вред, а на пользу репутации «Бетабанка».

– А это возможно?! – искренне изумилась Мария Антуанетта.

Я усмехнулась.

– Мне интересно, – признался Эндрю.

– Мне тоже, – сказала Трошкина.

А в кабинете Бронича послышался длинный шорох – как будто чье-то упитанное тело в шерстяном костюме страстно

притиснулось к шершавой двери.

– Вот и банкирам это станет интересно, я думаю! – высказалась я, повысив голос, чтобы немолодой шеф не перенапряг свои ушки. – А мы предложим им этот хитрый рекламный пассаж в качестве бонуса к основному заказу!

– Пакетное предложение, – сообразила бухгалтерша и потянулась к калькулятору. – Сейчас я посчитаю...

– Что думаете, Михаил Брониславич? – позвала я.

– Авантюра чистой воды! – ответил шеф, но от двери, судя по звуку, отклеился.

Я кивнула:

– Значит, идея хорошая.

– То есть через семь минут нас не уволят? – стуча по кнопкам, уточнила Мария Антуанетта.

– Инночка, зайди, обсудим детальки! – нормальным голосом позвал меня Бронич.

– Кузнецова, ты гений, – расплылась в улыбке Алка.

– Ты спасла наши шкуры. С нас французское шампанское! – сказал Эндрю.

– Позже. Если все получится, – я встала, коротко раскланялась и поспешила к шефу, на ходу прикидывая, достаточно ли хорошо я выгляжу для визита к банкирам.

Ясно было, что за моим Гениальным Озарением последует мой же Адски Напряженный Труд.

За выходные сюжет про ограбление банка Роза Курдын-

бабаева посмотрела в телевизионных новостях четыре раза: в пятнадцать, восемнадцать и двадцать один час в субботних выпусках и в полдень в воскресном. Самый последний просмотр подарил ей некоторое успокоение, потому что в дополненной версии сюжета появились кадры с той камеры наблюдения, которая запечатлела ее собственный тигриный прыжок на спину дяди в ботах.

Разумеется, расценено это физкультурное упражнение было совершенно неправильно. Никому и в голову не пришло, что Роза спасала свою мокрую шкуру от удара электро-током – видимо, физику она знала хуже всех. Зато диктор за кадром очень уважительно отозвался об «отчаянной попытке неизвестной девушки остановить грабителя». При этом он не попросил граждан телезрителей помочь полиции в поисках юной героини.

Стало быть, рассудила Роза, у полиции к ней вопросов нет. Уже хорошо. Нелегалке вовсе незачем встречаться с полицией, это не в ее интересах.

В ее интересах было выйти из издательства «Принц Пресс» чуть раньше или чуть позже. Пусть бы она даже застряла в лифте на время отключения электроэнергии, ничего страшного, посидела бы пять минут в темноте! Зато не оказалась бы в холле в разгар событий, из-за которых утрату понес не только «Бетабанк»!

– Подумаешь, банкомат у них свистнули! – ворчала Роза, яростно размешивая в миске тесто для шоколадных оладьев.

Растрепанные нервы лучше всего склеивать чем-нибудь липким, сладким – считала она. Идеальны были бы слегка размякшая шоколадка или подтаявшее мороженое, но перманентное безденежье не позволяло бедной Розе формировать запасы лакомств.

– У них там этих банкоматов – как грязи! А у меня была одна-единственная тетрадка, и той я лишилась! – сокрушалась она, выпекая оладушки.

Строго говоря, у Розы по-прежнему имелась одна тетрадка, только уже не та, которую ей вручила тетя-кактус из издательства.

Эта вторая тетрадь с виду очень походила на первую, но содержала головоломки покруче китайской хореографии с представителями русской фауны. Хотя и тут упоминались какие-то косые:

Вспыхнет могучее дерево белой страны,
В прах обращая несметные тысячи зайцев.
Втянется в красную петлю зубчатой стены
Белая снова, и целою будут казаться.

– Это не та тетрадь, – поняла наконец Роза, ожесточенно пролистав страницы и нигде не найдя уже знакомого ей пассажа про огородные пляски одинокого Волка и противостоящего ему заячьего семейства во главе с бедовой Мамой.

И она тут же вспомнила старикана, с которым столкнулась на выходе из лифта.

Возможно, это его тетрадка? Почерк аккуратный, но не школярский: буквы мелкие, угловатые, с извилистыми хвостиками. Очень похоже, что строчки выводила дрожащая рука немолодого человека.

Роза еще раз перелистала тетрадку, но имени автора четверостиший нигде не нашла. Это ее немного огорчило, но ничуть не обескуражило. Девушка включила компьютер, вошла в Интернет и забила в строку поиска четверостишие про могучее дерево и тысячи зайцев целиком.

Яндекс с Гуглом в один голос заявили, что знать не знают такого произведения.

– Новенькое, стало быть, авторский свежачок, – резонно заключила Роза и изменила запрос, сформулировав подобие краткой рецензии:

«Старый поэт сочинил странные четверостишия» – написала она и присвистнула, получив длинный список ссылок.

Старые поэты разных времен и народов, оказывается, сочинили очень много странных четверостиший!

Роза уточнила запрос, написав: «Старый *краснодарский* поэт сочинил странные четверостишия», и Гугл с Яндексом вычеркнули из списка Гумилева, Бродского, Хайама и других авторов, не замеченных в бумагомарании на территории Кубани. Среди оставшихся в безусловные лидеры вышел некто Лев Батюшкин, известный также под именем Новый Нострадамус.

Роза отыскала в сети его фотографию и с большой долей

уверенности опознала старичка из банка. Некоторые сомнения у нее вызвала лишь прическа Л.А. Батюшкина – на фото его высокое чело осеняли крутые есенинские кудри, тогда как голову деда в банке укрывал плоский берет, напоминающий коровью лепешку, и не похоже было, что под ним хоронится хоть какая-нибудь волосяная поросль. Зато остальное сходилось: пожилой краснодарский поэт, сочинитель странных четверостиший, выдаваемых им за предсказания. Точно, он!

Роза сосредоточилась на Батюшкине и с помощью бесценных друзей Гугла и Яндекса довольно быстро узнала о Льве Антоновиче так много, что вполне могла бы претендовать на звание батюшкиноведа, хотя и не батюшкинолюба.

Вирши Нового Нострадамуса ей не нравились. Зато приятно порадовала информация о том, что Лев Антонович – популярный и высокооплачиваемый автор, новая рукопись которого вскоре выйдет в одном из местных издательств, и этого исторического события нетерпеливо ждут многочисленные читатели и почитатели таланта нью-Нострадамуса.

– Ага! – веско произнесла Роза, перед внутренним взором которой отчетливо нарисовалась табличка с надписью «Принц Пресс».

Вот, значит, куда направлялся дедуля Батюшкин – в издательство, новую рукопись сдавать!

И тут вдруг Роза подумала, что ей, пожалуй, повезло. Тетрадка-то имеет вполне конкретную коммерческую стои-

мость!

Если бы уважаемый Лев Антонович владел компьютером, он не понес бы свою работу в издательство в рукописном виде. Электронной копии произведения у него наверняка нет, есть лишь какие-нибудь наброски на манжетках, записки на салфетках и прочие неудобочитаемые черновики. Значит, в ближайшее время издательство «Принц Пресс» новое произведение Батюшкина не получит и напечатать его не сможет. А читатели-почитатели ждут, то есть спрос обеспечен...

– Вообще-то это свинство, – сказала Роза, но не по адресу издательства, которое неизбежно обманет ожидания читателей, а самой себе – по поводу возникшей у нее смелой идеи. – С другой стороны, можно сказать, что это не свинство, а коммерческий проект!

Роза выключила компьютер и немного побегала по единственной комнате своей маленькой съемной квартирки, показательно терзаясь классическим вопросом «Тварь ли я дрожащая – или право имею?».

Нет, она не собиралась убивать старушку-процентщицу, тьфу, старичка-предсказателя! Так, немножко ограбить. Даже не ограбить, а всего лишь поиметь с его дохода свой маленький процент. Именно так, получить процент!

Розе очень нужны были деньги. Поскольку тетрадку с описанием китайских танцев она потеряла и поставленную перед ней задачу выполнить уже не могла, можно было ожидать, что Барбариска прогонит ее с работы. Уволит и не за-

платит даже того, что должен, потому что официально он ничего и не должен, Роза не в штате!

– Имею! – постановила предприимчивая дочь казахско-украинских подданных по поводу своего гипотетического права.

Вечер воскресенья она провела за изучением регионального рынка печатной продукции и приемов конкурентной борьбы, применяемых местными издательствами.

В понедельник утром, с трудом дождавшись начала рабочего дня, Роза сделала один-единственный звонок – и попала в точку!

Коммерческий директор издательства «Говорун» Жорж Касаткин спал и видел, как бы обойти тот самый «Принц Пресс», и история с потерянной рукописью Батюшкина порадовала его чрезвычайно. Когда же Роза осторожно предложила на определенных условиях передать упомянутую рукопись «Говоруну», Жорж Касаткин ни секунды не мучился сакраментальным вопросом про тварь и право.

– Сколько? – коротко спросил он, разрубив паутину Розиных сомнений мощным сабельным ударом.

Последовал недолгий яростный торг, и вскоре Роза сдалась:

– Ладно, я согласна на пять тысяч рублей. Но обещайте, что не обидите автора!

– Как же мы можем обидеть *нашего* дорогого автора? Не обидим! И гонорар заплатим, как положено, и имя на об-

ложке червонным золотом вытесним! – пообещал Касаткин, скрутив из пальцев тугую дулю и энергично потыкав ею в северо-западном направлении, где всего через три квартала помещалось здание «Бетабанка», а в нем – офис издательства «Принц Пресс».

– А вот я хотела бы остаться анонимом, – добавила Роза, и понимающий Жорж Касаткин заверил ее, что так и будет.

Конспиративную встречу с целью обмена интеллектуальных ценностей на материальные договаривающиеся стороны решили не откладывать и постановили свидеться в двадцать часов у памятника Пушкину.

Освобожденные от рекламных щитов окна «Бетабанка» блестели свежевывмытыми стеклами, оставленные беглым банкоматом канавки на ступеньках скрылись под новенькой плиткой, сломанную елочку у крыльца уже заменили стройным кипарисом, и все равно здание неуловимо напоминало безжалостно взятый Рейхстаг. Я с трудом подавила неблагородный порыв размашисто начертать на стене что-нибудь вроде: «Поделом вам, буржуйские морды! Сержант Индия Кузнецова, женский истребительный батальон».

В ходе затяжной и мучительной выплаты неосмотрительно взятого кредита у меня сложилось нелестное мнение о банкирах: по-моему, они прямые потомки Дракулы – кровососы, которые тянут с клиентов по капельке, формируя в итоге бурные финансовые потоки, утекающие неведомо ку-

да.

Грабителям, умыкнувшим банкомат, я симпатизировала гораздо больше, чем ограбленным ими банкирам. Надо же было провернуть такой дерзкий план!

Вскрытый и выпотрошенный банкомат, кстати, нашелся еще в субботу. Об этом в общих чертах рассказали в вечерних новостях, а подробности я собственноручно вытряхнула из своего любимого майора ночью.

В лаконичном пересказе Дениса Кулебякина, каким-то боком (я не вникала) причастного к следственно-разыскным мероприятиям, восстановленная последовательность событий нового реалити-шоу «Украсть за 90 секунд» выглядела так:

Раз: обвязав банкомат крепким тросом, преступники с помощью лебедки выдернули его на улицу и затянули в фургон с надписью «Аварийная».

Два: сверкая мигалкой и завывая сиреной, «спецмашина» беспрепятственно пронеслась по городу и где-то на заводской окраине путем элементарного удаления наклейки с борта и проблескового маячка с крыши превратилась в мирную штатскую таратайку.

Три: невинного вида фургон без подозрительной торопливости проследовал на городскую свалку, среди могучих мусорных холмов которой банкомату сделали харакири, а угнанному, как позднее выяснилось, фургону устроили аутодафе.

Разумеется, никаких следов в обугленной машине не нашли. Что до банкомата – на нем было полно отпечатков пальцев, оставленных клиентами. Грабители предусмотрительно работали в перчатках.

Улов преступников составил около четырех миллионов рублей. Не так уж плохо за полдня работы, по-моему!

Я непроизвольно засмотрелась на появившийся в холле новый банкомат, и охранник у входа заметно занервничал.

– Девушка, вы к кому? – спросил он, оглядывая рельефные выпуклости моей фигуры с нездоровым интересом.

Здоровым интересом, замечу в скобках, я считаю такой, при котором мужчина тщетно борется с внезапным слюноотделением и сильным тремором рук, тянущихся к объекту осмотра под воздействием непреодолимого природного магнетизма.

Охранник же смотрел на меня так, словно прикидывал метраж обернутого вокруг моей тонкой талии бикфордова шнура и общий вес тротила в трусах и бюстгальтере.

– Агентство «Эм Би Си», – холодно ответила я, намеренно звучно хлопнув красными крылышками удостоверения и так же намеренно не уточнив специфику упомянутого агентства. – У меня разговор к вашему коммерческому директору. Он на месте?

Вероятно, высокомерных товарищей с разными корочками за последние двое суток «Бетабанк» перевидал немало. Охранник коротко вздохнул и снял трубку внутреннего те-

лефона:

– Нина, тут еще из органов к Ковригину.

И после короткой паузы – мне, уже вежливо:

– Подождите, пожалуйста.

Я присела на мягкую банкетку, с подобающей представителю органов бесстрастной физиономией осмотрелась и решила, что первое впечатление меня не обмануло: в «Бета-банке» действительно воцарилось тоскливое пораженческое настроение. Лица у сотрудников были скорбные, темные костюмчики смахивали на траур. Необходимые разговоры велись приглушенными голосами с предательскими вздохами и всхлипами.

– В таком настроении клиентам надо не кредиты выдавать, а вервие для бичевания и сермяжные рубища! – неодобрительно пробормотал мой внутренний голос.

А я подумала: «Ну и жадины эти провинциальные банкиры! Всего-то четыре миллиона рублей потеряли, а убиваются так, словно их насмерть проклял и отлучил от груди головной банк в Швейцарии!»

– Девушка, это вы к Владимиру Леонидовичу? – окликнула меня из-за турникета служебного входа юная барышня, внешность которой идеально соответствовала царящему в офисе настроению.

Видно было, что ей пришлось постараться, чтобы умерить свою природную жизнерадостность. Рыжие кудряшки были щедро намазаны гелем и безжалостно стянуты в пучок,

круглощекая веснушчатая физиономия загрунтована бледным тоном и обильно припорошена белой пудрой, пухлые губы визуально уменьшены с помощью помады цвета тухлой лососины. Кроме помады барышня использовала только черный карандаш, которым нарисовала себе брови с трагическим изломом. Если бы у печального Пьеро была сестра-близнец, она выглядела бы именно так!

– Да, я к коммерческому директору, – подтвердила я, встав с лавочки и подойдя поближе.

Надо же было рассмотреть этот декадентский макияж.

– Нина Макарова, помощник руководителя, – представилась барышня.

– Инна Кузнецова, старший агент, – назвалась я, подумав, что это резонно: кто из агентства – тот агент.

А то назовешься редактором – и не получишь аудиенции! Небось журналистов и рекламщиков в «Бетабанке» нынче не привечают.

В качестве агента меня безропотно пропустили за турникет и повлекли по коридорам.

По дороге я присматривалась, прислушивалась и принюхивалась, все еще надеясь, что живая жизнь пробьется сквозь удушающие покровы всеобщей скорби и расцветит пасмурный для аборигенов денек какой-нибудь алой блузкой, модным напевом телефонного звонка или запахом горячего бутерброда, но нет!

– Уйди, старушка, я в печали, – пробормотала я, невольно

поежившись.

В мини-юбке, розовом жакете и джемпере с глубоким декольте я разительнo не соответствовала общей кладбищенской обстановке. Чтобы как-то замаскироваться на местности, я удерживала на лице выражение холодного безразличия, но ощущала себя все более неудобно.

– Как розан среди крапивы, – прокомментировал неугодный внутренний голос.

Печальная Нина Макарова-Пьеро поскреблась ноготком в деревянную дверь без таблички, но почему-то с глазком.

Я прислушалась. За дверью звякнуло, пшикнуло и зашуршало.

– Войдите! – отозвался грустный бас.

– Оставь надежду всяк сюда входящий, – пробурчал мой внутренний голос.

Нина Макарова впустила меня в кабинет и бесшумно закрыла дверь за моей спиной.

– Владимир Леонидович? – я заломила бровь и загнула в осторожной полуулыбке один уголок рта, отчетливо уловив знакомый аромат освежителя воздуха.

Несомненно, «Лимон и мята»! Именно им наша бабуля густо пшикает в своей комнате, маскируя запах рукодельных пахитосок, которые вопреки всем запретам сладострастно выкуривает, когда остается дома в одиночестве!

Я с интересом присмотрелась к полированной поверхности стола и разглядела на ней мокрый кольцевидный след ма-

ломерного стеклянного сосуда типа «рюмка».

Это меня обнадежило. «Кто выпивает, тот выживает!» – кратко формулирует популярный в нашем отечестве способ борьбы с депрессией мой братец Зяма.

– Добрый день, прошу вас, с кем имею честь?

Хозяин кабинета при виде моего нездорового интереса к его офисной мебели заволновался, дернулся и неосторожно толкнул рукой компьютерную мышь.

Экран монитора просветлел, и я тоже воссияла улыбкой.

Не помню, чтобы меня когда-либо радовали смелые эротические картинки, но все когда-то случается в первый раз. Изображение грудастой дамы в дезабилье, возникшее на экране, однозначно свидетельствовало о том, что уважаемый Владимир Леонидович не утратил интереса к простым радостям жизни.

– Меня зовут Инна Кузнецова. Я из агентства «Эм Би Си», – представилась я, без приглашения опускаясь на стул, с которого нельзя было видеть экран монитора.

Владимир Леонидович шумно выдохнул, сердито хлопнул предательницу-мышку по пластиковой спинке и сложил руки домиком, изображая внимание.

– Мы разрабатывали для вас концепцию рекламного оформления офиса, – напомнила я. – Те самые щиты на окнах.

Владимир Леонидович поджал губы.

– Знаю, знаю, теперь вам кажется, что это была крайне

неудачная идея, – предупредила я обвинение. – Не буду спорить, не за тем пришла.

Владимир Леонидович побарабанил пальцами по столу.

– Я пришла предложить вам помощь в реабилитации репутации «Бетабанка», который в связи с ограблением понес не только материальные, но и моральные потери, – объяснила я.

Владимир Леонидович поднял брови.

– Возможно, мы сумеем повернуть ситуацию так, что она будет не во вред вам, а на пользу, – сказала я.

Владимир Леонидович наклонил голову к плечу.

– Цена вопроса – новый заказ на рекламное сопровождение, – ответила я на невысказанный вопрос, после чего сложила руки на груди и откинулась на спинку стула.

Возможности пантомимы не безграничны. Уважаемому Владимиру Леонидовичу придется открыть рот и ответить на мое предложение хотя бы «да» или «нет»!

Вместо этого он, подумав, ответил развернутым вопросительным предложением, не имеющим видимой связи с обсуждаемой темой:

– Скажите, Инна, как вы относитесь с коньяку?

– Положительно, – ответила я, прекрасно понимая, что настоящий разговор только-только начинается.

Потом мы пили коньяк и предметно обсуждали сначала новую концепцию, затем гонорар «Эм Би Си», а потом принципиальную возможность встретиться вечером в

неформальной обстановке хорошего ресторана. Заинтересованность в последнем пункте выразил исключительно Владимир Леонидович, у меня на вечер были совсем другие планы, о чем я и сообщила новому кавалеру честно и прямо:

— Извините, не могу: в двадцать ноль ноль у меня свидание с очень настойчивой дамой.

После чего Владимир Леонидович записал меня в лесбиянки, каковой навет я даже не стала оспаривать.

Торопясь отделаться от кокетливого комдиректора, от почетного эскорта к выходу я отказалась. Я думала, что и сама найду дорогу, но ошиблась.

Пустые и безжизненные коридоры без всяких указателей и опознавательных знаков спровоцировали у меня легкий приступ топографического идиотизма. За каким-то из углов я повернула не в ту сторону и вскоре забрела в такую тишь и глушь, в сравнении с которой заброшенный деревенский погост показался бы средоточием бурной общественно-политической жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.